

Научная жизнь

“Две тыквы на одном стебле”: проблемы современного китаеведения на конференции в Пекине

30–31 октября 2009 г. в Пекине в Народном университете Китая состоялась Вторая всемирная синологическая конференция, посвященная теме “Синология и межкультурные контакты”. В рамках научного форума работали шесть секций, на которых развернулось обсуждение отношений между синологией и диалогом культур, синологией и изучением истории, китайской литературой, переводом китайских классических текстов, китайской оперой. Состоялся “Форум Институтов Конфуция”, на котором китайские и зарубежные участники рассказали об опыте преподавания китайского языка и культуры в иноязычной среде. Были организованы два круглых стола: один был посвящен изучению обнаруженных археологами неизвестных прежде ученым китайских текстов, другой — взаимодействию между китайской литературой и современной синологией. В конференции приняли участие свыше ста ученых из различных учебных и исследовательских организаций КНР, около двадцати человек представляли Тайвань, Сянган и Аомэнь, также присутствовали полсотни иностранных гостей.

Организаторами мероприятия выступили Народный университет Китая и Ханьбань (канцелярия по распространению китайского языка за рубежом) при поддержке министерства образования КНР. На открытии конференции заместитель министра образования КНР Хао Пин выразил надежду на укрепление образовательной и исследовательской работы в области изучения мирового китаеведения, расширение сотрудничества и контактов в этой сфере. Было зачитано обращение члена Политбюро ЦК КПК члена Госсовета КНР Лю Яньдун, в котором подчеркивался уникальный статус синологии как научной дисциплины, способствующей углублению обменов и взаимного понимания между культурами Китая и Запада. Также было отмечено, что создание за рубежом многочисленных Институтов Конфуция создает “беспрецедентные хорошие условия” для развития иностранной синологии и подготовки кадров китаеведения.

Директор Ханьбань Сюй Линь сообщил участникам конференции, что в 87 странах и регионах созданы более 280 Институтов Конфуция и более 200 Аудиторий Конфуция. По состоянию на третий квартал 2009 г. на всех уровнях проводилось более 8 тыс. курсов китайского языка, число зарегистрированных студентов превышало 200 тыс., прошло свыше 6 тыс. культурных мероприятий в кото-

рых приняли участие более 2,5 млн чел. Во время открытия конференции состоялась торжественная церемония символического открытия вывески “Международной базы подготовки молодых китаеведов” (*Гоцзи циннянь ханьсю-эцзя яньсю цзиди*) при Народном университете Китая. Предполагается, что главной целью базы станет обучение для работы в Институтах Конфуция высококвалифицированных сотрудников, способных преподавать курсы по китайской культуре.

Важным направлением деятельности Ханьбань становится содействие “выходу вовне” китайской культуры. За пару дней до начала работы конференции заместитель директора Ханьбань Ма Цзяньфэй сообщил журналистам об успешном продвижении работы над переводом классических текстов Четверокнижия (*сы шу*) и Пятиканония (*у цзин*) на восемь иностранных языков для распространения за рубежом. К этому проекту уже привлечены ведущие зарубежные синологи. По его словам, английский текст “Лунь юй” будет готов в 2010 г., перевод на английский язык Пятиканония намечено выполнить в течение трех лет. За пять лет будут выполнены переводы Пятиканония на немецкий, французский, испанский, русский и другие языки.

Народный университет Китая еще в 2005 г. создал Институт “национального учения” – *госюэ*, откликнувшись на интерес китайской интеллигенции к всестороннему постижению традиции и унаследованию классики. В своем обращении ректор университета Цзи Баочэн подчеркнул, что иностранные синологи изучают Китай с помощью собственных методов, их научные традиции и культурные воззрения не такие, как у интеллектуалов в Китае. Если зарубежные исследования Китая и впитывание Западом восточной мудрости можно считать первым уровнем межкультурного обмена, то восприятие мировой синологии китайскими научными кругами позволяет углубить контакты между культурами. Взаимодействие иностранных синологов и китайских ученых полезно тем, что оно позволяет преодолеть ограниченность в восприятии собственной культуры, возвыситься над историческими традициями, ценностными воззрениями, эстетическими предпочтениями и национальной идентичностью.

В оформлении университетского конференц-зала Светлой добродетели (*Миндэтан*) идея культурного диалога была выражена в форме парной надписи. Слева от сцены была расположена цитата из древнекитайского памятника “Чжоу и” “вместе приходят разными путями” (*тун гуй эр шу ту*). Справа — переведенное на китайский изречение древнегреческого философа Гераклита “тот путь и этот путь” (*цы лу юй би лу*). Общая тема различия и схожести путей движения была призвана передать ключевую для конференции идею межкультурного обмена. Вместе с тем, даже на этом символическом уровне выявилась сложность взаимодействия культур — некоторые выступающие признавали, что хорошо знают фразу из “Чжоу и”, но цитата из Гераклита выглядит в таком переводе незнакомой и не вполне понятной.

С первым научным докладом на пленарном заседании выступил авторитетный британский синолог старшего поколения Майкл Леве (Кембриджский университет). Он поставил вопросы о том, каким образом конфуцианство утвердилось при династии Хань и стало ортодоксальной идеологией. В центре доклада была проблема авторства текста “Чуньцю фаньлу” и его связь с мыслителем ханьской эпохи Дун Чжуншу. Профессор Леве подчеркнул, что характеристика Дун Чжуншу как основоположника “ханьского конфуцианства” является преувеличением. Он заключил, что конфуцианство стало системой лишь при Восточ-

ной Хань, Дун Чжуншу не играл в этом процессе большой роли, а в тексте “Чуньцю фанлу” ему принадлежат лишь отдельные фрагменты.

Профессор Ли Сюэцин (Университет Цинхуа) поделился своим видением современного значения китайских классических текстов в контексте развития мировой синологии. Он отметил, что синология (*ханьсюэ*) появилась в XVI—XVII вв., когда началось проникновение западной культуры на Восток и китайская культурная традиция встретила западную. В этом контакте на Западе появилось *ханьсюэ*, а в Китае — “западное учение” (*сисюэ*). Становление синологии как науки, изучающей историю, культуру и язык Китая, происходило на рубеже династий Мин и Цин, когда китайское общество уже стояло на пороге исторических перемен, и западные ученые понимали это. Позднее ответом на разделение *ханьсюэ* и *сисюэ* стало появление понятия “китайское учение” (*чжунсюэ*), которое стало частью формулы “китайское учение как основа, западное учение для применения”. По мнению докладчика, из этой трактовки “китайского учения” выросло нынешнее понимание “национального учения” (*госюэ*), испытавшее на себе влияние дискуссии о культурах Китая и Запада времен Движения 4 мая.

Докладчик напомнил, что известный китайский мыслитель начала XX в. Ван Говэй полагал, что учение не делится на китайское и западное, поскольку наука, философия и литература есть в обеих культурах. Похожая точка зрения была у влиятельного конфуцианского мыслителя и историка прошлого столетия Цянь Му: он читал в университете курс “национального учения”, но при этом был уверен, что это понятие не просуществует долго — ведь в учении (*сюэ*) нет разделения между Китаем и Западом. В заключение профессор Ли Сюэцин напомнил, что в конце XX в. благодаря развитию археологии были найдены неизвестные древние тексты из Мавандуя и Годяня. Наступил период, когда ученые заново обнаруживают и познают китайские классические тексты, что, по мнению докладчика, создает основу для появления новой синологии — *ханьсюэ*.

На пленарном заседании в день открытия конференции выступил известный религиозный и общественный деятель Ганс Кюнг, уже несколько десятилетий продвигающий по всему миру свою концепцию “глобальной этики”. Он преподает в Тюбингенском университете и сохраняет сан католического священника, хотя Ватикан не считает его доктрину частью нормативной церковной теологии. В начале доклада он особо подчеркнул, что выступает не как синолог и не как миссионер. Профессор Кюнг призывает к углубленному изучению основ различных религий для налаживания межрелигиозного диалога, без которого, по его мнению, невозможно добиться мира между религиями и между странами. В докладе “Традиционная китайская этика как основа для глобальной этики” он обобщил свои впечатления от прежних обсуждений этой проблемы с китайскими учеными, полагающими, что главным вкладом китайской этики в глобальный проект может стать идея единства в многообразии (*хэ эр бу тун*). Помимо выявления общих этических и религиозных принципов разных традиций (не убивай, не кради, не прелюбодействуй и т.д.), следует поразмыслить о возможности обогащения глобальной этики специфическими китайскими концепциями, среди которых конфуцианская гуманность и призыв не делать другому того, чего не желаешь себе.

Мировой кризис, по словам докладчика, показал неспособность США, Евросоюза, России или Японии в одиночку создать глобальную финансовую систему или новую конструктивную парадигму международных отношений. Для этого потребуются усилия возвышающихся стран, особенно Китая и Индии. По мнению профессора Кюнга, Китай сможет играть важную роль в мировой политике лишь

после того, как переосмыслит свою этическую традицию и реализует внутри страны “больше настоящей демократии”. Докладчик заявил, что если китайская этика будет подчеркивать только иерархические отношения, то у нее нет будущего, которое появится в том случае, если в центре внимания окажутся человек и моральность действий. Китайская трактовка человека как элемента общества, а не изолированного индивида, поможет построить отношения людей на основе всеобщей этики, а не своекорыстия. Миру требуется новый экономический порядок, который направлял бы людей к моральному долгу и социальной ответственности, признавая разумное стремление к выгоде. Для движения в этом направлении, полагает профессор Кюннг, нужно не прибегать к использованию силы в политике, стремиться к гармонии человека и природы, развивать гармоничные отношения экономики и экологии.

Известный китайский философ и культуролог Тан Ицзе (Пекинский университет) представил доклад “Поиск всеобщих ценностей в культурах”. Тема “всеобщих ценностей” (*пуши цзячжи*) стала в последние годы в КНР источником острых дискуссий с политической подоплекой. Критики выступают против попыток навязать Китаю западные стандарты демократии и прав человека в качестве “всеобщих ценностей”, однако многие представители интеллигенции не согласны с полным отрицанием существования “всеобщих ценностей”. Они указывают, что односторонний акцент на национальной специфике изолирует Китай от внешнего мира, препятствуя не только проникновению идей извне, но и проекции китайских взглядов во внешний мир — они там просто не нужны, если ценности не обладают всеобщностью.

Тан Ицзе предложил свое решение этой проблемы на основе различения “универсализма” (*пубяньчжуи*) как претензии одной культуры на всеобщность и “всеобщих ценностей”. В поисках аргументов в поддержку этой позиции ученый обратился к исследованиям тех иностранных синологов, которые полагают, что китайская традиция способна обогатить мировую культуру, привнести в нее уважение к природе и к другим людям, исправить недостатки западного либерализма. Подобный интерес иностранцев к китайской культуре показывает, что в ней содержатся всеобщие ценности. Вклад синологов заключается в том, что их труды помогают отыскивать в культурах различных народов элементы всеобщих ценностей, которые могут скрываться внутри специфических ценностей культур. Докладчик заявил, что появившиеся в Китае попытки отрицания всеобщих ценностей культуры ошибочны, этот путь ведет к культурному релятивизму. Ведь если считать, что существуют только относительные истины, то будет очень сложно развивать осмысленный диалог между различными народами, еще труднее будет сформировать общий взгляд на проблемы, что в итоге может свергнуть человечество в бедствия.

Ученый сослался на идеи французского философа и сиолога Франсуа Жюльена, по мнению которого для познания собственной культуры от нее следует сперва отдалиться, при этом наилучший путь к постижению европейской культуры пролегает через изучение китайской как наиболее “внешней” по отношению к ней. Этот обходной путь движения мысли, когда она возвращается к постижению Европы через Китай, может содержать ценный урок для китайского “национального учения”, которое также могло бы двигаться к постижению своей традиции через обращение к западной. Докладчик заметил, что современные ученые на Западе в ходе исследования Китая сознательно стараются отбросить

собственный этноцентризм, однако при этом от понимания культурно-исторического опыта Китая они движутся к постижению собственной культуры.

Тан Ицзе подчеркнул, что волна увлечения *госюэ* в современном Китае нацелена на унаследование национальной исторической и культурной традиции, однако интеллектуалам необходимо преодолевать националистические эмоции. Европоцентризм не имеет перспективы, но китайцам не нужно создавать собственный “китаецентризм” и заявлять о том, что “китайская культура может спасти мир”. Несмотря на заметный прогресс в области научных исследований и теории, Китай в этих сферах еще не внес свой вклад в развитие человечества. Примечательно, что докладчик завершил свое выступление цитированием высказывания российского философа-китаеведа академика РАН М.Л. Титаренко, услышанного на конференции в Шанхае в 2004 г.: “Китай добился огромных успехов, только не нужно зазнаваться”. Тан Ицзе призвал китайских ученых больше обращать внимание на сильные стороны научных традиций других стран, избегая при этом самоуничижения и недооценки богатства ресурсов собственной культуры.

Торбьерн Лоден (Стокгольмский университет) в своем выступлении заявил, что тезис о существенном различии культур Китая и Запада является “мифом”, истоки которого восходят к начальному периоду контактов между ними. Докладчик привел в качестве примера два широко распространившихся мнения. Те, кто видит преимущества у Запада, полагают, что идея выхода за пределы этого мира неотъемлема от современной культуры, но в традиционном Китае ее не было. С другой стороны, те, кто призывает вернуться к китайской традиции, подчеркивают важность идеи “единства Неба и человека”, при этом они думают, что в Европе ничего подобного не было. Докладчик выразил несогласие с обеими позициями, подчеркнув, что несмотря на различия в концептуальных формах выражения, эти идеи присутствовали как в Китае, так и на Западе. Он заметил, что в наши дни многие китайцы гордятся своей традиционной культурой и ее уникальностью. Однако акцент на “особости” означает, что мы продолжаем считать культуры Китая и Запада существенно отличающимися друг от друга. В современном глобальном мире у людей появляются общие требования и проблемы, поэтому признание особенности каждой культуры и каждого человека предполагает также наличие некоей всеобщей основы, выражающей себя в особом.

Профессор Лю Сяофэн (Народный университет Китая) обрел известность в 1990-е гг. благодаря исследованиям китайской культуры и проблем ее взаимодействия с христианством. Его выступление на конференции было посвящено анализу научной деятельности зарубежных китайцев, обосновавшихся в западных университетах, прежде всего — в США. Докладчик подчеркнул, что эти исследователи испытывают влияние идеологии американских научных кругов, хотя при этом они остаются китайцами. Проблема возникает в том случае, если работа по обоснованию политических интересов страны пребывания не совпадает с защитой интересов Китая.

В качестве примера выступающий указал на вышедшую в 1963 г. книгу профессора политологии Чикагского университета Цзоу Дана “Провал Америки в Китае”¹. Появившаяся в период враждебности между КНР и США монография демонстрирует “моральность” американского подхода к Китаю и заинтересованность Соединенных Штатов в его превращении в крупное влиятельное государство. По мнению Лю Сяофэна, эти аргументы не выдерживают критики, поскольку в конце XIX в. США выступали за равный доступ всех стран на рынки Китая и за сохранение его территориальной целостности ради обеспечения собственных

корыстных интересов. В книге отмечается, что США не подкрепили свою “моральную позицию” делом и не вмешались ни во время войны Китая против японской агрессии, ни во время гражданской войны между Гоминьданом и КПК. По мнению докладчика, после завершения Второй мировой войны США не допустили Китай к контролю над побежденной Японией и взяли плоды победы в свои руки, поэтому нет оснований говорить о “поражении” Америки в Китае.

Лю Сяофэн подчеркнул, что в книге Цзоу Дана присутствует тезис о том, что в 1945 г. США хотели создать сильный единый демократический Китай. Выступающий заметил, что этот вопрос важен для обсуждения проблемы межкультурных исследований, поскольку он касается фундаментальной политической предпосылки демократии. Возможно, кто-то будет растроган тем, что США хотели помочь Китаю продвинуться в этом направлении, однако другие могут сказать, что это желание американского правительства показывает, что тогда Китай был не сильным, не единым и не демократическим. И тут, замечает Лю Сяофэн, возникает вопрос о том, почему до XVIII в. Китай был сильным и единым, в конце правления династии Цин — уже не сильным, но еще единым, а к середине XX в. утратил единство. Докладчик напомнил, что Китай стал первым в Азии государством, вставшим на путь политической демократии, однако вслед за этим в стране наступила внутренняя смута. В древности в Китае не было лишь демократии, однако межкультурные контакты в современном мире основаны на демократической политике и ценностях просвещения. Бытует мнение, что китайский раскол XX в. вызван созданием демократического государства в 1911 г., и это, по словам Лю Сяофэна, показывает, что межкультурные исследования сталкиваются ныне с реальными трудностями.

Пленарное заседание во второй день работы конференции открыло выступление Йозефа Галика (Словацкая Академия наук), сравнившего концепции божественной природы власти в китайской летописи “Цзо чжуань” и Библии. Профессор Янь Шаодан (Пекинский университет) поделился своими соображениями о перспективах превращения “международного изучения Китая” (*гоцзи Чжунго сюэ*) в КНР в полноправную научную дисциплину². Он отметил, что восприятие китайцами мировых исследований китайской культуры вышло на новый уровень. В этой сфере появились профессиональные научные кадры, опубликовано значительное количество работ, созданы специализированные учебные курсы (с 1989 г. — магистерские, с 1998 г. — докторские, с 2000 г. — постдокторские), образующие целостную систему научной подготовки. С трибуны конференции профессор Янь Шаодан обратился к комитету по ученым степеням Госсовета КНР ввести в список гуманитарных и общественных дисциплин специальность “международные исследования китайской культуры”. Он заметил, что для выбора названия новой дисциплины нужно “исправить имена”, чтобы задать правильное русло для ее дальнейшего развития. В частности, хотя наименование синология-*ханьсюэ* получило наибольшее распространение, оно уже не подходит к международному изучению китайской культуры в XXI в. Современной дисциплиной является “изучение Китая” (*чжунгосюэ*), она охватывает изучение культур других народов Китая помимо ханьцев. Докладчик также заметил, что изучение Китая в каждой стране подвергается воздействию местной идеологии и культуры мышления, поэтому китайцам нужно выходить за привычные рамки собственного “культуроцентризма”, им следует искать в работах зарубежных ученых следы присутствия культурного “иного”.

Бонни Макдугалл (Университет Эдинбурга) поделилась размышлениями об опыте “обмена дарами” между иностранцами-переводчиками и китайскими писателями в конце 1970-х. Обычно считается, что люди старшие и с более высоким социальным положением дают более крупные дары, но сами их не принимают. Однако в отношениях китайских авторов и иностранных переводчиков складывалась обратная ситуация, поскольку последние не учитывали разницу в экономических моделях и в уровнях развития своих стран и Китая. По мнению докладчика, в Китае в то время личные связи давали доступ к товарам и услугам в не меньшей степени, чем деньги в рыночных экономиках. Для иностранцев сближение с китайцами открывало шанс приобщиться к китайской культуре и понять китайское общество, они также получали произведения для перевода, но в ответ не делали встречных даров — прежде всего в форме товаров и услуг, которые в то время были недоступны для китайцев. Профессор Макдугалл заметила, что китайские литераторы не понимали, почему иностранцы не отвечают им дарами. В ходе обсуждения этой темы китайские участники заметили, что содержание выступления переплетается с личным опытом докладчика, тогда как на деле в качестве “дара” может выступать не только предоставление авторского текста для перевода, но и сам перевод, открывающий писателю возможность общения с иностранной читательской аудиторией.

В докладе о компаративном изучении руководящего слоя традиционного китайского общества профессор Чэнь Циюнь (Университет Калифорнии) попытался примирить китайское традиционное понятие о конфуцианских чиновниках-ученых (*ши*), марксистскую концепцию “феодалов-помещиков” и веберинский анализ бюрократической элиты. По его мнению, конфуцианцы не разглядели экономическую прослойку общества, в их трактовке служилые-*ши* не говорили о деньгах и выгоде, поэтому марксистский взгляд может оказаться полезным. “Феодалы-помещики” не были правящим классом, но у них была своя функция — они руководили поклонением предкам и местным божествам, к праздникам собирали деньги и организовывали людей для религиозной деятельности. По многим вопросам люди стремились сперва обратиться не к чиновникам, а к помещикам, которые частично выполняли судебные функции и тем самым, по словам профессора Чэнь Циюня, вносили в те времена вклад в “строительство гармоничного общества”. Он заметил, что для обозначения китайского образованного чиновника мало подходит иностранное понятие “бюрократ”, не раскрывающее принадлежность к интеллектуальной элите. В традиционном Китае сочетание “помещик — ученый — чиновник” отражало устойчивое соединение экономической, культурно-образовательной и политической элиты, которая была способна ограничивать и уравнивать абсолютную власть правителя.

Примечательный пример воздействия критического отношения к западным ценностям на оценку китайской культуры продемонстрировал доклад известного теолога Дуайта Хопкинса (Университет Чикаго). Его сфера интересов относится к социальным проблемам преодоления расовой дискриминации и неравенства (“черная теология”, “теология освобождения”), представители этих течений в США зачастую выступают с резкими риторическими выпадами в адрес государственной политики и западной цивилизации. В докладе профессора Хопкинса “Китай XXI века — американская перспектива” подчеркивалось, что Китай может играть роль мирового лидера с помощью позитивного примера, а не военной силы. Этому способствуют ценности, заложенные в китайской традиции — ценность семьи, акцент на гармонии, творческое впитывание различий,

высокоэффективный стиль труда. По мнению выступающего, на основе этих ценностей Китай может сплотить семью разных народов в мире и процветании, ведь китайская культура подчеркивает важность гармоничных отношений как между человеком и природой, так и среди людей, она принимает, а не отвергает различия.

Профессор Хопкинс противопоставил семейную сплоченность китайцев раздробленности поколений внутри западной семьи, подчеркнув, что в Китае дети почитают родителей, а на Западе никто не думает о государстве как о семье. Индивид в Китае является частью коллектива, для китайцев важна гармония во всем, что дает им возможность наслаждаться жизнью вместе с другими людьми, уважать законы и коллектив. Благодаря отказу от крайностей в Китае могут сосуществовать две возможности одновременно: китаец скорее скажет “возможно”, когда на Западе люди говорят “да” либо “нет”. Докладчик предположил, что Китай сможет привнести в мир дух гармонии, который нужен везде — от семьи до межгосударственных отношений. На Западе господствует крайний индивидуализм и там боятся иного (религии, экономического и политического строя, людей) и воспринимают его с враждебностью. Тем временем Китай все впитывает и учится, он создал творческую экономическую модель, вышел за пределы противопоставления Востока и Запада, капитализма и социализма. Более того, если в США люди работают с мыслью об отдыхе в ближайшие выходные дни, то китайцы все время старательно трудятся и думают об отдаленных целях, эффективность их труда выражает моральные принципы, что открывает Китаю шанс на мировое лидерство в нынешнем столетии. Складывается впечатление, что приведенные в докладе профессора Хопкинса противопоставления Китая и Запада относятся к идеализированным обобщенным стереотипам восприятия двух культур, поскольку на уровне конкретного анализа китайская реальность является куда более сложной и неоднозначной.

Заместитель председателя ПК ВСНП Сюй Цзялу в своем выступлении заметил, что китайцы могут изучать зарубежные синологические исследования в соответствии со своими представлениями о содержании “национального учения”-*госюэ*, охватывающего философию, литературу и историю. Такое дисциплинарное разделение пришло в Китай с Запада и внесло позитивный вклад в развитие современных общественных наук, но, вместе с тем, оно не полностью подходит для исследования китайской культуры, поэтому многие ученые предпочитают говорить о *госюэ* или *ханьсюэ*, предлагают ввести их в систему официально признанных научных дисциплин. Докладчик подчеркнул, что в межкультурном диалоге очень важно стремиться к уяснению способов мышления других наций. Перевод китайских классических текстов на Западе начался еще 400 лет назад, но у европейско-греко-иудейской культуры иной менталитет, поэтому было трудно избежать влияния собственных культурных представлений и привычек. То же происходило в Китае при понимании западных текстов и научных работ.

Сюй Цзялу призвал китайских ученых обратить повышенное внимание на инструменты, которые используют зарубежные коллеги в изучении синологии-*ханьсюэ*. Речь идет, прежде всего, о методах анализа и доказательства, фундаментальных концепциях философии и других наук, выборе научного языка. Одновременно китайские ученые должны отбросить несоответствующие реальности суждения о том, что “иностранные исследования Китая всегда уступают китайским” и отказаться от стремления критиковать исследования зарубежных ученых с опорой на привычные научные методы и подходы. Докладчик подчеркнул, что Китаю нужны не только разные точки зрения со всего мира, но и приме-

няемые за рубежом методы и инструменты исследования, выразив уверенность, что иностранным синологам также нужен исследовательский инструментарий, которым пользуются китайские ученые.

В межкультурных исследованиях требуется проводить сравнения, и это обуславливает необходимость уважения к иному. В китайской культуре предпосылкой гармонии-*хэ* выступает отличие-*и*, а не тождество-*тун*, поэтому нужно искать различие между собой и иным, чтобы достичь с ним гармонии. Сюй Цзялу заметил, что в китайской культуре есть всеобщие ценности, к ним относятся некоторые этические воззрения и представления о единстве человека и Неба. С другой стороны, хотя в европейско-греко-иудейской культуре есть явно не всеобщее, что особо продемонстрировали две мировые войны и нынешний финансовый кризис, содержащиеся в ней идеи уважения к равенству и концепция индивида внесли вклад в прогресс человеческого общества. Мышление китайцев стремилось к целостности, взаимосвязи и непротиворечивости, тогда как на Западе господствовали дуализм, анализ и четкость — однако, именно они были более всего нужны в научной сфере. Выступающий подчеркнул, что в каждой культуре есть всеобщие элементы, но не существует всеобщей культуры, поэтому как чужую, так и свою культуру нельзя полностью отрицать либо полностью принимать.

Докладчик образно назвал мировое китаеведение-*ханьсюэ* и китайское *госюэ* “двумя тыквами на одном стебле” — уже несколько столетий они развиваются вместе, переживают общие подъемы и упадки. За рубежом китаеведение страдает от недостатка финансирования и кадров, в Китае *госюэ* сталкивается с системными ограничениями, сотрудничество двух дисциплин относится к далекой перспективе, но надежда на это все же есть. Сюй Цзялу заметил, что в Китае продолжается процесс осмысления потерь в сфере традиционной культуры и путей построения культуры новой эпохи, что указывает на неизбежность развития *госюэ*. При этом в системе образования и науки приближается новая волна реформ, которая нацелена на снятие преград, сковывающих исследования и систему подготовки кадров, и это, по мнению докладчика, поможет разрушить препятствия в изучении *госюэ*.

В конференции приняли участие трое российских ученых. Ирина Попова (Институт восточных рукописей РАН) рассказала об истории изучения и преподавания китайского языка в Санкт-Петербурге. Александр Ломанов (Институт Дальнего Востока РАН) охарактеризовал в своем докладе многотомную “Энциклопедию духовной культуры Китая” как “зеркало русской синологии”, в концентрированной форме отразившее накопленные за несколько столетий результаты исследований. Кирилл Солонин (Санкт-Петербургский государственный университет) выступил с докладом “Тангутский буддизм в восточно-азиатском контексте”.

Ярким событием конференции стал круглый стол, посвященный взаимодействию китайской литературы и современной синологии. Он состоялся утром в воскресенье 1 ноября уже после церемонии закрытия научного форума. Тем не менее, зал был переполнен желающими последить за происходящим и поучаствовать в дискуссиях. Особый интерес вызывало присутствие немецкого синоведа Вольфганга Кубина (Боннский университет), занимающегося исследованием китайской литературы и поэзии. Ученый обрел известность в СМИ КНР после того, как осенью 2006 г. в интервью “Немецкой волне” назвал произведения двух современных китайских литераторов “мусором”. Это высказывание в Китае было истолковано как характеристика всей современной литературы, что обусловило появление ряда критических высказываний в адрес немецкого синоведа, которо-

го обвинили во “враждебном” настрое³. Весной 2007 г. профессор Кубин был участником Первой всемирной синологической конференции в Народном университете. Тогда он заявил, что до 1949 г. китайская литература была частью мировой, но теперь, за исключением поэзии, она к ней не относится и может быть сопоставлена с пекинской водкой “эрготоу” — дешевым массовым продуктом. Эти слова вызвали с китайской стороны новую волну критики и рассуждений о том, что крепкий напиток “эрготоу” вовсе не так плох.

На этот раз оживленные споры о том, можно ли судить китайскую литературу и культуру в целом с позиции западных ценностей, развернулись среди китайских участников дискуссии. Профессор Пекинского университета Хун Цзычэн процитировал слова Гань Яна — одного из заметных представителей современного течения “новых левых” — сказавшего, что китайские ученые “должны китайским способом исследовать Китай и западным способом исследовать Запад”. Выступающий не стал спорить с этой позицией и счел ее в целом правильной, заметив, что с помощью западных подходов будет трудно понять современную китайскую социалистическую культуру и литературу. Он выразил надежду, что зарубежные синологи станут больше понимать китайские дела, но при этом не станут чрезмерно “китаизироваться”.

Тао Дунфэн (Столичный педагогический университет) заметил, что большое влияние на китайские дискуссии в области литературы оказали две появившиеся в начале 1990-х гг. статьи — в одной синология провозглашалась “колониальной дисциплиной” наподобие ориентализма в описании Эдварда Саида, в другой утверждалось, что Лу Синь позаимствовал оценки национального характера китайцев из работ иностранных миссионеров. Отсюда выросли упрощенные суждения о том, что критика в адрес традиции и национального характера пришла в китайскую литературу извне, как будто у китайской интеллигенции начала столетия не было своих оценок происходящего, и единственным источником критических оценок были работы иностранцев. Выступающий не согласился с теми, кто с националистических позиций утверждает, что кризисное положение Китая в начале XX в. было вызвано разрывом с традицией, критикует западных синологов с позиции постколониализма и ориентализма, осуждает за радикализм просветительский дух Движения 4 мая. Он заметил, что нынешние проблемы Китая могут корениться в отрыве не от традиционной культуры, а от традиции Движения 4 мая.

Вольфганг Кубин заметил, что “изучать Запад западным методом” не получится, потому что, к примеру, в немецкой литературе XX в. многие авторы подверглись китайскому влиянию. Большое воздействие в 1920-е гг. оказал перевод “Даодэцзина”, который сделал немецкий синолог Рихард Вильгельм. С другой стороны, выступивший на круглом столе Йозеф Галик указал на влияние Библии на современную китайскую литературу, поэтому “изучение Китая китайским методом” также не сулит успеха.

На круглом столе развернулся спор о том, в какой мере консервативный националистический поворот в Китае начала 1990-х гг. может быть оправдан в качестве реакции на чрезмерное увлечение китайской интеллигенции западными ценностями и идеями в предыдущее десятилетие, а также о правомерности подобного подхода в наши дни. Сунь Юй (Народный университет) заметил, что в начале XX в. китайцы хотели знать западные оценки проблем западного общества, но не проблем Китая. Однако Лу Синь стремился к тому, чтобы было больше переводов работ о Китае, чтобы звучали критические голоса. По мнению высту-

павшего, этот подход важен и в наши дни, поскольку критических суждений мало, но при этом распространены опасные “мечты о великом государстве” и “великокитайские” настроения. Он заметил, что китайская литература за сто лет многое впитала с Запада и этот опыт еще ждет своего осознания. Ошибки в понимании Китая иностранцами неизбежны, не признавать этого — значит лишать их права слова.

В ходе дискуссии были затронуты и прежние нашумевшие высказывания профессора Кубина о современной китайской литературе, однако в центре внимания оказалось их восприятие китайскими интеллектуалами. Вместо немецкого синолог критике были подвергнуты влиятельные представители интеллектуальной элиты, безосновательно заявлявшие о том, что Кубин выступает против диалога культур и утверждает, что в Китае вообще нет литературы. Сяо Ин (Университет Цинхуа) призвал китайских писателей и литературоведов преодолеть “психологическое состояние Великой стены” (*чанчэн синтай*), отгораживающее их от мира, больше уважать различия и чужие взгляды. Также было высказано мнение, что дать оценку китайской литературы за минувшие 60 лет удастся лишь в процессе диалога китайских и иностранных ученых.

© 2010

А. Ломанов,
доктор исторических наук

-
1. *Tang Tsou. America's Failure in China, 1941–50. Chicago, 1963. 614 p.*
 2. Подробнее о спорах китайских ученых на эту тему см.: Ломанов А.В. Изучение зарубежного китаеведения в КНР: культурно-цивилизационные аспекты // Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2009. С. 500—512.
 3. Ляован синьвэнь чжоукань. 2009 № 46. С. 62—63.